

*Посвящаю всем,
кто даже самой темной ночью
стремится к звездам*

1. Рейсел

Такси остановилось на углу Янг и Темперанс. Одавлив водителя щедрыми чаевыми, я открыла дверь — и на меня немедленно обрушились шумы большого города: автомобильные гудки, звон трамваев вдалеке, грохот, доносящийся с не видимой отсюда стройплощадки, и гул множества голосов — из-за поворота как раз появилась группа туристов. Наконец-то я снова дома, в Торонто!

Я ненадолго задержала дыхание, наслаждаясь моментом, и лишь затем поставила ногу на асфальт. Может, я в детстве насмотрелась романтических комедий, однако это мгновение для меня навсегда будет сопряжено с магией — последняя секунда перед тем, как главная героиня покидает автомобиль. Сначала нам показывают, как она осторожно высовывает из машины ножку — разумеется, в изящной туфельке. Героиня будет стараться держать ноги вместе, с соблюдением правил приличия, чтобы ненароком не продемонстрировать

нижнее белье. Затем поднимет глаза, посмотрит прямо в камеру и, с изумлением озираясь вокруг, выйдет из машины, чтобы все наконец смогли полюбоваться ее сногшибательным прикидом.

Этот момент я называла своим «голливудским кадром». Конечно, для меня он не являлся столь театральным, хотя я и испытывала восторг. На мне были босоножки на шпильках, обтянутых розовым шелком, а еще рваные на коленях джинсы-бойфренды и любимый черный топ с кружевным вырезом. Я распахнула дверцу шире, и золотые браслеты на запястье звякнули.

Я прикрыла глаза, ощутив, как в животе словно взорвалась хлопушка с конфетти, и ступила одной ногой на Янг-стрит — знаменитейшую улицу Канады, некогда самую протяженную в мире. Затем, чуть помедлив, опустила вторую ногу — и оказалась в самом средоточии хаоса, который называла своим домом. Закрыла за собой дверцу и махнула на прощание таксисту, который тут же рванул с места.

Еще один шаг — и я на широком тротуаре. Медленно повернулась, рассматривая высящиеся вокруг здания. День клонился к вечеру, и они отбрасывали длинные тени. Вдалеке небоскребы с зеркальными окнами сверкали в закатном солнце. Ниже, на расстоянии квартала, виднелся красно-белый указатель станции метро. «Квин». С этой станцией связано столько воспоминаний! Сейчас все они волной хлынули в душу. Как однажды Марли пришлось тащить меня вниз по крутой лестнице буквально у себя на закорках, потому что я напилась. Как я наклонялась бросить мелочь в шляпу любимому

уличному музыканту. Как я целовала Сэмми, а мимо пронесся поезд, и поток воздуха вихрем закружил мои волосы...

Я быстро взглянула на часы. Надо бежать, пока не потонула в воспоминаниях. И без того опаздываю, не время для сантиментов.

Крутой ресторан, куда меня пригласили родители, располагался в здании *Dineen Building*, одной из архитектурных жемчужин города. Я повесила сумку на плечо и направилась ко входу. При каждом шаге шпильки цокали по асфальту; их перестук с детства придавал мне уверенности.

Лифт привез меня на верхний этаж роскошного здания, стеклянные двери распахнулись, и волной накатили нежные звуки пианино. Из окон под потолок с белоснежными шторами открывался чудесный вид. С потолка свисали огромные шарообразные люстры. Приватные зоны были обтянуты лиловым шелком, белый ковер скрадывал шаги. Я поморщилась. Этот ресторан намного более элитный, чем те, которые обычно посещали родители. Решили произвести на меня впечатление?

— Добрый вечер. У вас заказан столик? — приветствовала меня молодая женщина с бронзовым загаром и макияжем в стиле «смоки айс».

— Здравствуйте. — В дополнение к каблукам я встала на цыпочки, чтобы высмотреть родителей. — Я встречаюсь здесь с... Ах, да вот же они! — Я указала на столик у окна, увидев, как мама подзывает меня кивком головы.

Женщина улыбнулась.

— Желаю вам приятного вечера.

— Спасибо. — Я ответила ей улыбкой и устремилась вперед, сопротивляясь привычному желанию пригладить одежду и достать из сумочки зеркальце, чтобы убедиться, нет ли на зубах следов помады. Я не испытывала нервного напряжения — речь шла о необходимых мерах, позволяющих выжить в присутствии родителей. Например, свободно опустить руки и приклеить на лицо лучезарную улыбку. Будущее лежало у моих ног. Через несколько недель я заживу той жизнью, которую выбрала для себя сама.

Лишь почти у самого столика я осознала, что родители не одни. Рядом с папой сидел незнакомый мне мужчина, который явно пытался подкупить маму своей очаровательной улыбкой. От неожиданности я споткнулась и едва не задела соседний столик. Что за?.. Я-то думала, меня ожидает обычный ужин, затем ночь в родительском пентхаусе, а рано утром вылет в Сент-Джон. По крайней мере, ни о чем другом меня не предупреждали. Охотнее всего я бы сейчас развернулась и ушла, однако мамин взгляд уже уперся в меня. Поздно...

Мама хищно прищурила карие глаза — характерный для нее прием! — и я закипела от ярости. Моя реакция не укрылась от мамы. Она словно послала мне telepaticкое сообщение: «Только не вздумай устроить сцену, Рейчел».

Я фыркнула и отправила в ответ самодовольную ухмылку: «Это уж как получится!»

Когда меня ставят перед свершившимся фактом, ничего не могу гарантировать.

В следующий миг я уже стояла перед столиком родителей.

— Рейчел, дорогая! — с придыханием произнесла мама и встала, чтобы расцеловать меня в обе щеки. Ее обесцвеченные волосы были уложены в высокую прическу, бледную шею украшало жемчужное кольцо, а от крепкого аромата «Шанель» мне стало дурно. Папа ограничился вялой улыбкой.

— Позволь представить тебе мистера Гамильтона. — Мама указала на мужчину, который тоже приподнялся, чтобы пожать мне руку.

— Очень рад познакомиться, — произнес он, продемонстрировав белоснежные зубы. При этом складки вокруг тронутых сединой бровей углубились.

— Э-э... я тоже рада. — Я по-прежнему не имела представления, кто этот тип и чего следует ожидать.

— Супруга мистера Гамильтона... Ах, вот и она!

Лишь в этот момент мне бросилось в глаза, что за столом есть свободное место. И его предположительно занимала женщина средних лет, которая направлялась в нашу сторону в туфлях-лодочках на практичных широких каблуках. Вероятно, дама отлучалась в туалет — дорогая сумочка и шелковый шарфик уже висели на спинке стула.

Гамильтон, Гамильтон, Гамильтон... Хотя фамилия почему-то казалась знакомой, мне пока не удалось сообразить, где я ее слышала.

— Позволь представить тебе миссис Гамильтон. — Мама включила почтительный тон, который приберегала для звезд и политиков. Разве что книксен не сделала! — Декан Гамильтон, это наша дочь Рейчел Монтгомери.

Я было повернулась к брюнетке, чтобы пожать ей руку, однако когда до меня дошел смысл маминых слов, рука непроизвольно опустилась. *Декан Гамильтон?* Декан юридического факультета университета Торонто?

Я резко перевела взгляд на маму. А ее можно поздравить — даже не вздрогнула при виде моих сверкающих гневом глаз! Какая хитроумная ловушка! Родителям не нравится, что я решила продолжать образование в Нью-Йорке. Они предпочитают, чтобы я жила в Торонто, где у них будет возможность держать меня на коротком поводке. Вот только как они могли поверить, что подобными действиями вынудят дочь отречься от своей мечты? Последняя отчаянная попытка направить мою жизнь в колею, уготованную с детства.

— Приятно познакомиться, Рейчел, — произнесла декан Гамильтон. — Мы много о тебе слышали.

Скрипнув зубами, я снова повернулась к ней.

— Я тоже очень рада, хотя ваше присутствие здесь стало для меня огромной неожиданностью.

Мама с шумом втянула в себя воздух, а вот миссис Гамильтон и бровью не повела. Более того, она заулыбалась и одобрительно кивнула мне, прежде чем протиснуться к своему месту.

— Папа и мистер Гамильтон часто вместе играют в гольф, — затараторила мама, пытаясь разрядить мучительную ситуацию. — Когда мистер Гамильтон услышал о твоём намерении изучать право, он очень впечатлился и решил, что ты непременно должна познакомиться с его женой.

— Ну еще бы, — сухо ответила я. Как иначе могла состояться эта встреча? Уж точно не благодаря вмешательству мамы, которая искусно плела свои шелковые паучьи сети... Если кто-то в них запутается, спасения нет. Мне стало почти жаль Гамильтонов.

— Садись, дорогая. Мы уже сделали для тебя заказ. — «Потому что ты опоздала», с осуждением уведомил меня мамин взгляд. — Палтус, жаренный в эстрагоновом масле, с картофелем, гренками и грибным соусом. Я слышала, здесь невероятно вкусно готовят рыбу.

Очередная уловка, чтобы вынудить меня остаться. Однако я садиться за стол не собиралась. Я перебросила пряди каштановых волос через плечо, приняла боевую стойку и уперла руку в бедро. Пусть мама попадет в собственную сеть! Папа заерзал на стуле и одарил коллегу по игре в гольф страдальческим взглядом. Его обычно бледное лицо покрылось красными пятнами.

— Спасибо. И все же на ужин я не останусь.

Мамины глаза едва заметно расширились.

— Не глупи, Рейчел. У тебя на сегодня другие планы?

— Нет.

Слово эхом продолжало звучать в наступившей тишине. Четыре пары глаз уставились на меня.

— Тогда садись наконец за стол, и мы побеседуем о твоём будущем.

Я вздохнула. Неужели она решила играть до конца?

— Меня заманили сюда под предлогом ужина с родителями, которых я не видела четыре недели, поскольку уезжала на практику в Нью-Йорк. Завтра утром я снова улетаю, теперь в Сент-Джон, и при всем уважении к вам не вижу повода беседовать сегодня о моём будущем. Потому что с ним я уже давно твердо определилась.

— Рейчел... — прошипела мама еле слышно.

— Мне действительно очень жаль, что я зря потратила ваше время, — обратилась я к Гамильтонам. — Однако меня зачислили в Нью-Йоркский университет. Занятия начинаются в сентябре. И я уже купила в Нью-Йорке квартиру.

Мама шумно поперхнулась.

— Когда родители приглашали вас на «встречу», — я изобразила в воздухе кавычки, — они знали, что я приняла решение несколько месяцев назад. К сожалению, отменить его невозможно. Не могу утверждать, что я не рассматривала Университет Торонто как вариант, в конце концов это отличное учебное заведение. — Я перевела взгляд на декана Гамильтон. Она одарила меня улыбкой, которую я истолковала как настоятельную просьбу продолжать. Наверняка дама как минимум три раза в месяц участвует в подобных беседах для богатых избалованных студентов, которые замаскированы под ужины, инсценированные их родителями.

— Приношу вам извинения за потерю времени. Надеюсь, вы все же прекрасно проведете вечер. Я слышала, здесь невероятно вкусно готовят рыбу.

Я небрежным кивком головы попрощалась с родителями и уже хотела развернуться, но тут мама вскочила с места — причем так энергично, что из высокой прически выбились пряди. В попытке игнорировать ее я заторопилась к выходу. И все же она меня нагнала. Даже мягкий ковер не смог приглушить агрессивного стука каблуков.

— Рейчел, — прошипела мама, когда мы удалились от столика на достаточное расстояние и гости не могли нас слышать, — немедленно извинись перед мистером и миссис Гамильтон. Это неподходящий способ...

Я неохотно повернулась и решительным голосом перебила ее:

— Как раз это я и сделала. Извинилась за неприятную сцену, которую организовали *вы*, хотя не обязана нести ответственность за чью-то дурость.

— И что значит — «купила в Нью-Йорке квартиру»? Об этом и речи не было...

— Занятия начинаются в сентябре. Мне нужно где-то жить.

Она открыла рот, чтобы продолжить тираду, но я не дала ей времени на ответ. Развернулась — только волосы взметнулись в воздух — и широким уверенным шагом устремилась прочь из ресторана. Не обратилась в позорное бегство, а гордо покинула поле брани. Потому что ощущала себя как никогда свободной.